

История эта случилась годков этак пятнадцать-двадцать тому назад. Жил в нашем дворе дед. Жил с давних времён, ещё с эвакуации в начале войны. Приехал он неизвестно откуда — то ли с Кубани, то ли с Донбасса. Да местные жители и не дознавались особо. Живёт человек и пусть себе живёт. Говорливый такой дедок, с хитринкой. И дня не проходило, чтобы он чего-нибудь не учудил. Имени старика никто не знал, а соседские бабуси прозвали его Магарычом. Как потребуется кому помощь по хозяйству — дровишек наколоть или там сенца подкосить — все к нему: «Помоги, дедуля». Он руку в кулак сожмёт, большой палец кверху выпятит, мизинец оттопырит и с беззубой усмешкой прошамкает: «Магарыч!» — плата, значит, такая. Мыто, по причине юношеской неосведомлённости, поначалу не понимали, что за «зверь» такой этот «магарыч», а потом смекнули: выпить, мол, ему и закусить подавай за работу. Так он и пробавлялся — пенсию на сберкнижку положит, а за работу и выпьет, и поест.

Жил в соседнем дворе мужичок. Лет ему было под тридцать, а выглядел как подросток. Личико маленькое, сморщенное, веснушчатое, а уши огромные, что твои лопухи. Вот за эти уши и прозвали его местные ребятишки Чебурашкой. Родился он немощным, болезным. Мать, девка непутёвая, бросила его на попечение престарелой бабушки да и укатила с хахалем на юга, с той поры её и не видели. Мишка, так звали мужичка, по немощности и скудоумию своему в школе не учился. Поначалу было определили его

в первый класс коррекционной школы, да потом и отчислили за полную неспособность к осмыслению учебных предметов. Так и жил он «без царя в голове», влачил своё незаметное существование. Подойдёт, бывало, к старушкам и смотрит на них с улыбкой. Те же, сердобольные, сунут ему кто конфетку, кто пряник маковый. Отбежит Мишка в сторонку, сядет на корточки и запоёт. Слов не разобрать, а вот мотив — ясно прослеживается, вроде как песенка из мультфильма про бременских музыкантов.

В один из летних вечеров встретились Магарыч и Мишка на скамейке подле дома. Посидели молча, но потом разговорились. О чём только не спрашивал дед паренька, тот лопочет по-своему — ни слова, ни полслова не разобрать. Ну и решил дед научить своего нового дружка правильной речи. Стихи разные читал, анекдоты рассказывал, байки всякие: повторяй, мол. А тот знай себе лепечет всякую окоlesiцу. Поднадоело Магарычу: ну, думает, с политической точки зрения тебя возьму.

— Вот стишок тебе немудрёный скажу. Я-то его ещё с детских лет помню, когда в пионерах числился.

Он почесал затылок, пошевелил губами, будто вспоминая чего, и с явным удовольствием, махнув рукой, проговорил по слогам:

— Камень на камень, кирпич на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич.

Удовлетворённый своей находчивостью, Магарыч достал из кармана выдавший виды носовой платок, смачно высморкался и произнёс покровительствующим тоном:

— Ну как? Ещё повторить али как?

Мишка молчал.

Старого заело. Он начал ещё и ещё повторять с детства заученную фразу, кулаком постукивая по коленке в такт ударным слогам и неумышленно картавя на французский манер.

Мишка смотрел на него, не отводя глаз, потом резко встал, покрутил пальцем у виска и одним выдохом громко прокричал:

— Амини амини писи и пись уми на ленин ладимил исись!

С последней Мишкиной фразой над скамейкой распахнулось окно, в него выглянуло заспанное лицо бабки Варвары. Помахав кулаком, она со злостью в голосе прокричала:

— А ну геть отседова! Я покажу вам... Устроили тута ликбез... Днём молодёжь галдит да на гитаре тренькает, вечером пришибленные стихи читают... Ни сна, ни покоя ни днём, ни ночью!

Выдав нравоучительную тираду, старуха скрылась за дымчатой, с голубыми рюшечками, занавеской. Она долго ещё ходила по комнате, нудно ворча, но за плотно закрытым окном уже было не разобрать её заунывных причитаний.

Долго этот случай обсуждался во дворе. Каждый пересказывал его по своему разумению, неумело подражая Мишкиному говору. С той поры и повелось: нет-нет да и ввернёт кто-нибудь в разговоре нечто этакое, чтобы непонятней было.

Да! Быстротечно наше время! Как будто вчера это было, а годков прошло — и не счесть.

Приехав после службы в свой городок, я уже не застал ни Магарыча, ни Чебурашки. Деда лет пять как схоронили, следом и Мишкина бабка преставилась. Самого же Мишку отправили в пансионат для психически больных. С той поры о нём никто и не слышал. Вот только бабка Варвара ещё жива и так же, как и раньше, ворчит спросонья на голосящую под окнами юность. И двор, в котором прошли мои лучшие годы, остался таким же, как и много лет назад. Тот же сарай с поросшей мхом крышей. Тот же покосившийся забор, в дырявые прорехи которого проныривают в огород кудахтающие куры-хохлатки. Всё так же стоят поленницы берёзовых дров, только колют их уже другие мужики за ту же, не меняющуюся с годами, валюту со смешным и непонятным для современной молодёжи названием — «магарыч».